

ЧИТАЕТ АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

1 1 Окт 1974

Андрея Гончарова пермским любителям поэзии не нужно специально представлять. В памяти остались его оригинальные программы, составленные по современной лирике, по мотивам творчества Есенина и Блока, с которыми он выступал в Перми прошлые годы. На этот раз на поэтическом вечере артист представил свое, быть может, самое выношенное, заветное детище — новую программу стихов Владимира Маяковского.

Я не случайно говорю: самое заветное, выношенное, — ведь А. Гончаров — лауреат конкурса чтецов на лучшее исполнение произведений Маяковского.

Читать Маяковского с эстрады трудно и ответственно. И не только потому, что еще сохранились очевидцы выступлений поэта, невольные сравнивающие любое чтение его стихов с авторским исполнением, но и потому, что «программное изучение» Маяковского — до сих пор, можно смело сказать, самого нехрестоматийного русского поэта — успело уже покрыться (увы!) тем самым классическим «хрестоматийным глянцем», которого больше всего на свете боялся поэт.

Важным принципом всех поэтических программ Андрея Гончарова является их продуманная сюжетность; отрывки из стихотворений и поэм, целые произведения, строки из записных книжек, воспоминаний современников — все органично сливается в непрерывный поток развивающейся мысли, неожиданных ассоциаций, «выходов» в современность. Два отделения концерта Гончарова — два сюжета о Маяковском: первый — «Хорошее отношение к лошадям» — о Маяковском в последний год жизни; второй — «На капитанском мостике» — о Маяковском, капитане советской поэзии, провозвестнике советского образа жизни.

В каждой части концерта — свои художественные удачи, как, впрочем, и свои просчеты. Первая часть прозвучала как страстный поэтический монолог, в котором гордость и неуверенность, сила и беспомощность, тихая скорбь и неумная радость первооткрытия сливаются воедино. Мечта о будущем, захватывающий «отлет» фантазии естественно сменяется воспоминаниями, подведением итогов, а затем — горьким возвращением поэта к действительности.

Жить на Земле, среди героев революции и великих битв за социализм, быть современником Ленина, но и в то же время находиться рядом с «дрянью», обывательщиной, подлостью... Рваться к идеальному, в будущее, в небо, к

звездам, которые, если их зажимают, «значит — это кому-нибудь нужно», — и при этом не оторваться от земных проблем: от Моссельпрома, от плакатов, от «текучки»... Нет ли здесь противоречия, разрыва, раздвоения? Как это — петь и «наступать на горло собственной песне»?

Андрей Гончаров точно нащупал исходную клеточку социальной и личной трагедии великого художника, гражданина и человека, движущее противоречие его творчества, — еще сильнее: диалектику самой эпохи — рождения нового мира, а вместе с ним и рождения нового слова о мире. Рождение нового и не могло свершиться без мук, без боли, без потрясений. Прометей, принесший огонь людям, неизбежно навлекает огонь на себя.

Гончаров перевоплощается. И вот уже мы видим живого октябрьского поэта, бездумно шагающего по улицам Москвы. И не так сильно бросается в глаза очевидная натянутость некоторых стыков между Землей Маяковского с его Небом — в сюжете, составленном чтецом.

А как современно прозвучали с «капитанского мостика» в исполнении Гончарова, казалось бы, уже безнадежно отошедшие в историю стихи-плакаты, стихи-агитки про социальных и моральных уроков, еще попадающих на наш путь, про комчанство, про манюю присваивать всем предметам великие имена!..

И, напротив, неестественно воспринимается чрезмерный пафос последних строк вступления к поэме «Во весь голос» в исполнении чтеца: сегодня вряд ли есть настоятельная необходимость доказывать кому-либо, что Маяковский, беспартийный поэт 20-х годов, гораздо партийнее многих своих современников и потомков.

И совсем уже диссонансом выглядело стихотворение о взаимоотношениях поэта с Татьяной Яковлевой, прочитанное артистом под занавес программы. Оно, как, вероятно, почувствовал и сам А. Гончаров, лишь «смазало» общее впечатление от умного, хорошо спланированного в целом концерта. Кстати, у Андрея Гончарова вообще лучше получается публицистика, чем лирика (хотя у Маяковского то они неразрывны). Артист словно доказал своим слушателям и себе самому, что лепет «интима», слезной «задумчивости» и растроганного умиления — это все, как говорил Маяковский, мертвечина! А вот «шершавый язык плаката», при всей его шершавости, — это все же язык живой жизни.

С. ТИТОВ.

ВЕЧЕРНИЙ ПЕРМЬ
г. ПЕРМЬ